

Спустя некоторое время растерянный львенок медленно приоткрыл рот и окончательно окаменел, вытаращив глаза. Постояв так мгновение, он резко подскочил и, указывая на далекую, подпирающую самое небо гору, похожую на гигантский столб, заорал:

— К черту твои холмики! Это, по-твоему, холмик?!

Кевин цыкнул и отчитал его:

— Ты еще пешком под стол ходишь, а уже так выражаешься. Смотри, отправят тебя на уроки этикета, будешь знать.

Львенок фыркнул:

— Кто посмеет!

— Император, разумеется, — как нечто само собой разумеющееся ответил Кевин.

Львенок безучастно уставился на него:

— Ну и странная у вас страна. Император почему-то слушается тебя. Ты что, его отец?

Кевин:

— ...

Небо на горизонте потемнело, окрасившись в иссиня-черные тона — опускались легкие сумерки.

После полудня ливень немного утих и, лениво морося еще несколько часов, наконец прекратился. Но стоило дождю стихнуть, как летающие насекомые засуетились с новой силой.

Отряд элитных бойцов, отобранный Освальдом, состоял из воинов легионов Бронзы, Красного Железа и Уцзинь. Практически все они были офицерами. Хотя среди них не было командиров легионов или их заместителей, каждый в обычное время считался лучшим в своем подразделении, поэтому никто не желал им пострадать в этом дальнем походе.

Перед отправлением легион снабдил каждого легким доспехом, который надежно защищал жизненно важные органы, но не сковывал движений. Каждому также полагались непромокаемый плащ с капюшоном и маска из тонкой медной сетки.

Такое полное снаряжение позволяло защититься от большинства гнуса, однако воины все равно оставались настороже.

В итоге весь отряд представлял собой довольно странное зрелище: двое предводителей — взрослый и ребенок — без умолку пререкались, будто выбрались на обычную прогулку, в то время как следовавшие за ними всадники в черном облачении ехали в гробовом молчании, словно направлялись на поминки.

Местонахождение Гробницы Бога Фаэ не было тайной.

Почти все с детства знали, что Гробница Бога Фаэ находится в районе Холмов Седой Головы, прямо под Водопадом Вечной Жизни. Однако для большинства эти знания этим и ограничивались — они за всю жизнь так и не увидели бы, как выглядят Холмы Седой Головы и Водопад Вечной Жизни.

В народе представление о Холмах Седой Головы было весьма схожим: судя по названию, это просто холмы, вершины которых слегка припорошены снегом.

Да и само слово «холмы» вызывало ассоциации с чем-то не слишком высоким и опасным — скорее с пологими возвышенностями, таящими в себе какую-то загадку.

Поэтому, когда Кевин указал на возвышающийся до небес пик, похожий на исполинский столб, и сказал: «Дождь прошел, теперь хорошо видно? Вот та гора и есть Холмы Седой Головы», — всех охватило чувство полнейшего абсурда, будто над ними откровенно издеваются.

С более близкого расстояния Холмы Седой Головы казались еще более устрашающими: гора была невероятно узкой, а ее склоны уходили вверх почти вертикально — от одного взгляда на них начинала затекать шея.

А название «Седая Голова», по всей видимости, объяснялось не только снежной шапкой на вершине, но и тем, что эта самая вершина буквально пронзала облака.

Один из офицеров долго смотрел вверх, запрокинув голову, и наконец выдавил:

— Пожалуйста, скажите мне, что фраза «находится в районе Холмов Седой Головы» означает, что мы обойдем их стороной.

Кевин усмехнулся и, вздернув подбородок, великодушно разрушил его иллюзии:

— Нет, мы полезем наверх.

Воины:

— ...

— Но только не сегодня ночью, — Кевин сделал паузу и указал на вершину. — По ночам там рыщет всякая тварь, с которой не так-то просто сладить. Поднимемся сейчас — пойдем на верную смерть. Так что прибавем ходу и заночуем у подножия. А завтра с рассветом двинемся в путь.

Не смея медлить, воины пришпорили своих гиппогрифов и помчались вперед. Из-под копыт летели веера брызг, безжалостно сбивая лепестки с придорожных кустов в диких лесных зарослях.

Офицер, задавший вопрос, припал к спине своего скакуна. Сквозь свист ветра в его мыслях промелькнуло сомнение: откуда командир Фассбиндер знает, что на горе обитает опасная тварь? Неужели он уже бывал здесь?

Но кому в здравом уме взбредет в голову тащиться в эту глушь?

Вскоре на землю окончательно опустилась ночная тьма.

Эти места лежали близко к северным землям, и климат здесь был куда суше и холоднее, чем в границах Королевства Золотого Льва. Ночной перепад температур ощущался очень резко, а из-за прошедшего дождя холодный ветер, проникавший сквозь влажную одежду, пробирал буквально до костей.

Кевин подышал на руки, чтобы согреть пальцы, и вместе с остальными быстро соорудил несколько простых походных палаток, способных защитить хотя бы от ветра.

Несколько офицеров привычными движениями развели костер в укрытом палатками от ветра месте, установили треногу и разложили у огня бурдюки с вином и водой, чтобы согреть их. После этого они распределили обязанности и отправились на поиски еды.

— Далеко не расходитесь! Поищите в леске впереди, но не переходите границу ядовитого тумана за ним. Берегитесь отравления, — громко напутствовал их Кевин, после чего нашел сухое место и сел прямо на землю.

Вытянув длинные ноги, он прислонился спиной к валуну и в непринужденной позе принялся сушить у огня промокший плащ.

Сам Кевин в походах не любил обременять себя лишними вещами, предпочитая путешествовать налегке. Ему с лихвой хватало бурдюка с водой, кожаного мешочка с кремнем, почтовыми жуками и прочей мелочью, а также кинжала для ближнего боя и длинного лука.

Еду всегда можно было добыть в пути — в этом деле у него скопился богатый опыт. К ночлегу он тоже никогда не придирался: устраивался в любом защищенном от ветра месте и спал до утра. Неприхотливый донельзя.

Но теперь, когда людей и гиппогрифов стало больше, снаряжения тоже прибавилось: палатки, лекарства первой необходимости и даже солидный запас сухпайков. Впрочем, пока удавалось раздобыть дичь, тратить сухие пайки никто не спешил. Кто знает, найдется ли хоть какая-то еда, когда они достигнут окрестностей Гробницы Бога Фаэ? Лучше приберечь припасы на будущее.

Кевин бросил взгляд на возвышающуюся позади гору, выудил из кожаного мешочка помятый клочок пергамента и перо, а затем в мгновение ока набросал похожий на столб силуэт Холмов Седой Головы. Ниже он размашисто вывел строчку: «Добрались. Завтра поднимаемся».

Он свистнул, и круживший неподалеку белый орел, которого выпустили поразмять крылья, спланировал на камень рядом с ним.

— Протяни лапу, — небрежно скомандовал он белому орлу. Свернув пергамент, Кевин просунул его в маленький металлический футляр на лапе птицы и добавил: — Давай, лети назад, доложи о прибытии.

Белый орел взмахнул крыльями и вскоре скрылся из виду, растворившись в ночном небе.

На рассвете крылатый вестник с шумом опустился прямо на письменный стол Императора в Висячем замке Уцзинь, попутно забрызгав водой разложенные там бумаги.

Освальд уже несколько дней толком не спал. Только-только ему удалось ненадолго прикорнуть у стола, как эта бестия грубо прервала его сон, попутно наградив порцией мокрых перьев и грязных брызг в лицо.

— ...Ты когда-нибудь научишься приземляться по-человечески? — Освальд вытер лицо и слегка похлопал себя по лбу, пытаясь прогнать остатки сна, после чего извлек из металлического футляра «шедевр» кисти великого импрессиониста Кевина.

Холмы Седой Головы и в реальности-то своей формой были весьма далеки от приличий, а уж искаженные причудливым росчерком пера Кевина, они и вовсе превратились на бумаге во что-то непотребное.

Хмурясь, Освальд долго разглядывал изображенную на пергаменте вздымающуюся к небу штуковину, после чего с каменным лицом скомкал листок и швырнул его прочь.

Какое убожество...

Смятый пергаментный комок докатился до двери и закатился в угол, полностью скрывшись из виду.

Освальд сидел за столом, с силой массируя виски. Минутная бодрость мгновенно испарилась. Из-за затяжной бессонницы он пребывал в крайнем раздражении, смешанном с невыразимой усталостью и душевным онемением — казалось, обрушья на него сейчас хоть небосвод, у него не найдется сил даже шевельнуть пальцем.

Белый орел оказался птицей сообразительной. Почувствовав, что от стоящего перед ним человека исходит угрожающая аура и он готов сорвать злость на ком угодно, хищник, едва доставив письмо, скатился со стола и разлегся на полу, раскинув крылья и лапы, чтобы перевести дух.

В состоянии крайнего изнеможения мысли человека часто становятся хаотичными и обрывочными. Подперев голову рукой, Освальд лениво перелистнул пару страниц военного отчета, бросил взгляд в окно на глухую ночную тьму и вдруг без всякой причины вспомнил о былом в Поместье Парсон.

Вспыхнули несколько разрозненных образов, и его вновь начала одолевать дремота...

Кажется, это был вечер в конце весны. В те дни часто шли дожди, и с грохотом накатывали далекие глухие раскаты весеннего грома.

Окна чайного зала на втором этаже Поместья Парсон наполовину загораживала раскидистая бирючина, отчего света в комнату проникало мало, а в дождливые дни в ней становилось совсем темно и мрачно.

<http://bllate.org/book/18285/1753199>